

Предупреждение: упоминание изнасилования.

Донг Ин Се был обычным учеником средней школы Инпен. Его оценки были средними, и он довольно хорошо ладил со своими одноклассниками. Хотя на самом деле никто не заботился о том, чтобы спросить, его жизненным девизом было “сделать это на полпути”, или, по крайней мере, так он думал. Он никогда не выделялся, да и не особенно хотел. И все же внешность может быть хитрой.

На самом деле он был довольно популярен среди своих сверстников. Он считался довольно красивым, с высоким носом, густыми бровями и четко очерченной челюстью. Хотя не все дети в детских учреждениях выглядят угрюмыми, Донг Ин действительно выглядел как мальчик, выросший в зажиточном доме. Это не значит, что он держал свое воспитание в секрете (что было бы трудно сделать, так как все могли видеть его на борту институтского фургона), и все вокруг знали о его происхождении. Он не показал ни превосходства выше 1%, ни преступности ниже 1%, что позволило ему довольно хорошо ладить с другими, как друг, старшеклассник или младшеклассник. И все же внешность может быть хитрой.

Больше всего Донг Ин ненавидел, когда его оставляли в стороне.

-Донг Ин, пойдем в библиотеку, - спрашивал довольно прилежный друг. И Донг Ин с очаровательной улыбкой отвечал:

-Конечно.

Обед надо было съесть как можно быстрее, чтобы успеть поиграть в мяч с друзьями. Он покончил с едой раньше всех и отправился в поле. Его лицо краснело, и он был весь в поту, но все же он бегал по полю до начала пятого урока. Донг Ин, который был более увлечен футболом, чем любой другой одноклассник, который посвятил себя командной работе и всегда звонил своим друзьям с широкой улыбкой на лице, никогда даже не прикасался к мячу в институте. Сколько бы Чхоль Ен и Хен Ген ни умоляли его, он никогда не соглашался с ними.

Донг Ин часто смотрел на себя в зеркало. Он смотрел на свое отражение и тренировался улыбаться. Он практиковался, чтобы широко и искренне улыбаться любому. Возможно, трудно понять необходимость практиковаться в выражении лица в таком юном возрасте, но Донг Ин с самого начала понял, что единственная причина, по которой люди не игнорируют его, - это его внешность выше среднего. Лицо, которое он каждый день видел в зеркале, было единственным, за что он был благодарен родителям.

Потом, в один прекрасный день, в институте было довольно тихо, так как многие дети уехали на выходные. Донг Ин, конечно, предпочел остаться. У него не было родственников, которые могли бы навестить его, и у него не было причин выходить. Но в тот день ему было не по себе, гораздо больше, чем обычно. Это было не из-за результатов последнего экзамена, и не потому, что он не съел достаточно своего любимого блюда (свиной булгоги) во время обеда. Он сидел за письменным столом, читал книгу и смотрел в окно, когда ему стало не по себе.

В груди у него что-то сжалось, и он решил выйти из института подышать свежим воздухом. Как раз в этот момент мимо ворот в институт прошла девушка. Что-то в ее походке было не так, и она выглядела неловко, поэтому он на мгновение задумался, не стоит ли ему помочь. Он решил подождать и понаблюдать. Когда девушка подошла к входной двери, Донг Ин окинул ее взглядом.

Летний ветерок пронесся мимо, взъерошив ее волосы до плеч. Она на мгновение вспорхнула, прежде чем упасть на место, окрашенная в пурпурный оттенок заката. Она держалась за свое платье, сплошь оборки и кружева, чтобы оно не развевалось на ветру. Когда она опустила глаза, он заметил ее длинные ресницы. Ее глаза блестели, как будто она плакала, и они светились красным, как сам закат.

Сердце Донг Ина бешено забилося. Он не знал, что еще делать, и подошел к ней.

"Тебе нужна помощь?" Возможно, именно это ему и следовало сказать. И все же, как только он подошел к ней, идеальный образ, который он создал, разлетелся на куски. У нее был недостаток, недостаток, который мешал ей быть совершенной, быть тем идеальным видением, которое он мог лелеять в своей голове, в своем сердце, вечно.

- Ты странно пахнешь.

Вот что он сказал вместо этого. Он ничего не мог с собой поделать. Он не хотел вспоминать ее, ее совершенство, сопровождаемое этим странным, затхлым запахом. Но как только он заговорил, девушка разрыдалась, опустив голову. Она не издавала ни звука, когда плакала, и Донг Ин не мог ничего сделать, кроме как смотреть. Неужели он был слишком суров? Как только он начал думать о том, что сделал, девушка подняла голову, и их глаза встретились.

Донг Ин был хорошо знаком с эмоциями, которые передавали глаза. В конце концов, он провел много времени, практикуясь. И он знал. Хотя девушка не произнесла ни слова, он мог распознать гнев, молчаливое осуждение, которое она давала ему.

Девушка опасалась его.

Девушка ненавидела его.

Девушка начала избегать его.

С того дня и до того дня, когда он поступил в среднюю школу, Донг Ин вообще не встречал эту девушку. Даже когда он увидел ее в институтской столовой, девушка ушла, как только увидела его. Когда он окончил начальную школу, все остальные ученики начальной школы института пришли поздравить его (что было типично), но девочка тоже избегала этого.

Чувства Донг Ина к девушке становились все более и более извращенными, но он не знал.

После окончания средней школы ему стало труднее видеться с ней, но тогда он кое-чему научился. Что-то невероятное, что-то, чего он раньше не знал, было в источнике запаха, который иногда окружал девушку.

По правде говоря, средние школы для мальчиков-это что-то вроде учебных лагерей, где детей заставляют становиться мужчинами. Это место, где, без ведома взрослых или маленьких детей, студенты собираются и формируют прочные связи и новый, эксклюзивный мир для себя. Это также место, где они делятся всевозможной непристойной информацией, вещами, которые взрослые стараются держать в секрете, или, возможно, вещами, о которых даже взрослые не знают. Они делились информацией и учились. Как проклинать, как сражаться и побеждать, как формировать иерархию и секреты ночных событий.

Когда Донг Ин пришел узнать правду, самым сильным чувством, которое он испытал, было предательство. Он чувствовал бы себя менее обманутым, менее преданным, если бы кто-нибудь сказал ему, что Мона Лиза на самом деле мужчина. Эта девушка была самым совершенным существом, которое он когда-либо видел, и она заставляла его сердце бешено биться. И все же она была запятнана с самого начала. Она была грязной тварью, грязной, испорченной тварью. Отвратительной. Его друзья называли такую грязь "шлюхами".

Неужели на него свысока смотрела "шлюха"? Простая "шлюха" осмелилась игнорировать его, бросить? Ему было больно все это время только из-за тупой "шлюхи"? Неужели так?

Он думал, что в один прекрасный день, если девушка перестанет избегать его и примет его чувства к ней, он с радостью избавится от ее запаха и объявит ее совершенством своим. Но теперь уже нет. Ее зловоние не было чем-то таким, что можно было так легко стереть.

Она была вонючей "шлюхой", и это никогда не изменится. Она всегда будет пахнуть, она всегда будет испорчена, как грязная тряпка, которая продолжает вонять все больше и больше.

Поэтому он будет избегать ее. Он ненавидел ее зловоние и ненавидел вспоминать, как она смотрела на него. И больше всего он ненавидел себя за то, как вел себя, как его ранили ее сердитые глаза. И теперь у него был прекрасный шанс. Идеальный шанс унижить ее.

- Ты ведь знаешь, что это такое?

Как он и думал, она побледнела. Ее глаза закатились в глазницах, и вскоре все ее тело затряслось. Ее тонкие красные губы неприглядно дрожали.

Осознанные обернулся. Соми, которая шла под руку с Даян, побледнела. Она всегда была довольно бледна, но сейчас это была мертвенная бледность, как будто в ее чертах не осталось никаких красок. Ее колени неудержимо дрожали, но она едва замечала это, глядя вдаль.

- Что ты имеешь в виду? О чем ты говоришь? - спросил репортер Ян. Его инстинкты репортера сработали, и он понял, что что-то не так.

- От нее часто пахнет спермой. Много раз.

Ян почувствовал, как кровь застыла у него в жилах. Он знал, что дети в этом возрасте могут быть честными до предела, но никогда не испытывал этого на собственном опыте. Теперь, когда он это сделал, ему стало страшно. И пока он смотрел на девушку, дрожащую, с лицом, лишенным всякого цвета, все, что он мог видеть, были слова: "Самый несчастный ребенок в мире", написанные большими жирными буквами. Поговорите о том будучи трудоголиком.

Судя по всему, служащий, отвечающий за детей, тоже был в панике, не зная, что делать при таком диком повороте событий. Дети тоже поняли, что что-то не так, и другие соседние взрослые тоже не знали, что делать. Он на мгновение задумался, не охота ли это на ведьм, попытка запугать бедную девушку, но быстро отбросил эту мысль. В его обязанности не входило оценивать ситуацию. Его работа состояла в том, чтобы сообщать правду и ничего, кроме правды.

-Прошу прощения,- обратился он к служащему.

- Да?

- Приведите сюда того, кто отвечает за этих детей.

- Простите?

Служащий действительно не знал, что происходит.

-Это дело о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетней в возрасте до 13 лет. Если она хочет выдвинуть обвинение или дать показания, ей нужен взрослый, законный опекун.

Девочка не была похожа на ученицу средней школы, так что, скорее всего, она все еще училась в начальной. Не существует такого понятия, как "секс по согласию" с ребенком начальной школы, что означает, что это было не что иное, как сексуальное насилие над несовершеннолетним. Ян видел, как в его голове проносятся различные заголовки и новостные статьи об этом. Если бы это была телепередача о текущих событиях, они, вероятно, назвали бы ее: "Что произошло в тот день в здании суда?"

Действительно, что? В зале суда идет процесс по делу о попытке изнасилования. За пределами того же зала суда-сообщение о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетней.

Нынешний судебный процесс, по правде говоря, не был большой сенсацией. Это, однако, могло бы попасть в национальные новости, если бы он смог добраться до дела. Он еще не знал подробностей, но ему нравилась побочная история. Подсказка, данная в стенах суда, и ребенок из института сбивается с пути. И не просто в какой-нибудь институт, а в Институт Агнес. До сих пор Институт Агнес высоко ценился в регионе, но Ян знал, что это темное место, готовое в

любой момент расколоться и выдать свои грязные секреты. Но кто бы мог подумать, что одним из этих секретов может быть изнасилование? В общем, дела приняли очень интересный оборот.

Служащий поспешно ушел, как раз когда офицер Чхве вышел из зала суда после дачи показаний.

- Что здесь произошло, господин Ян?

Он спросил, как он подошел к этой группе.

-О, как вовремя, офицер,- репортер ответил: - Здесь не было никого, кто мог бы взять показания этого ребенка и начать расследование, но вот вы здесь. Я думаю, твоя работа никогда не закончится, а?

Ян продолжил объяснять обвинения придурка средней школы, а также свои собственные мысли (возможность группового изнасилования или повторного нападения) о ситуации. Вскоре после этого прибыл преподаватель института с сотрудником, и офицер вывел Соми из здания суда.

Люцид тупо уставился на удаляющуюся фигуру Соми. До сих пор он испытывал благоговейный трепет перед структурированным процессом суда, перед всей логикой и разумом, которые использовались для ведения дела. Люди здесь придерживались идеального подхода к ведению дела: прокурор зачитывал все обвинения, а адвокату разрешалось приводить свидетелей и опровергать обвинения. Даже если обвиняемый действительно был виновен, ему предоставлялось основное представительство в суде. Когда все доказательства и факты были изложены, вердикт и приговор были определены исключительно путем логических дебатов. Это было захватывающе и довольно обнадеживающе для Люцида.

Там, в другом мире, они преследовали людей и избивали их палками и дубинками, или пинали их снова и снова, независимо от того, сколько они просили за свою жизнь. Теперь, когда у Люцида было достаточно знаний, чтобы понять, что подобные действия были ничем иным, как "варварством" и "насилием", он думал, что никогда не увидит таких вещей в этом мире.

Однако сейчас, глядя на Соми, он не мог не вспомнить о человеке, которого выгнали из города. У него был такой же запах, как и у нее, даже когда он уходил. Никто не пытался помешать ему уйти. Напротив, все проклинали его, бросая на него злобные взгляды и оскорбляя. И хотя Соми была, насколько понимал Люцид, жертвой в этой ситуации, в этот момент она напоминала ему того грязного, оборванного человека. Люцид подбежал к Соми и схватил ее за руку.

- Ты в порядке? - спросил он. Ему хотелось утешить ее, успокоить. Та Соми, которую он знал, была неплохим человеком, и уж точно не преступницей. Разве дурной запах может считаться преступлением? Быть наказанным за обоняние было неразумно и нелогично, и шло вразрез со всем, что Люцид видел сегодня в зале суда. Соми ничего не ответила и просто смотрела на него глазами, полными слез. Затем она повернулась и последовала за офицером Чхве из здания.

Никто больше не заговорил с ней, когда она уходила, и Соми тоже не сказала ни слова. Тем не менее, то, как они все смотрели на нее, изменилось всего за несколько мгновений. Некоторые взрослые даже презрительно прищелкивали языками, когда она проходила мимо. Это было похоже на то, как если бы был проведен суд и вынесен приговор, и все это за долю секунды. Никто не спросил, почему ее увозят, и никто не заступился за нее. Никто не подошел, чтобы объяснить, что Соми не сделала ничего плохого. Всего за несколько слов Соми стала обвиняемым, преступником, и Люцид не мог этого понять.

Он знал, что ему еще многое предстоит узнать, но у него не было никакой информации о текущей ситуации, и он не мог понять его. Никто не зачитал преступление, о котором идет речь, и не было никаких доказательств того, что преступление было совершено вообще. Просто слова. Одних слов было достаточно, чтобы осудить ее. Люцид подумал, что, возможно, он единственный, кто не понимает, но быстрый взгляд вокруг сказал ему, что другие дети были так же невежественны, как и он. Только Донг Ин и взрослые смотрели на Соми с определенным выражением в глазах.

-Начинают так рано...

- Я имею в виду, что она сирота. Что еще нового?

Сирота. Не было ничего иного, что, будучи сиротой, может квалифицироваться как преступление. Люцид понял, что ему нужно знать больше, нужно узнать больше. Просто заполнить пробелы в его знаниях ради магии было недостаточно. Если он не знает, если он действительно не понимает, тогда, возможно, когда-нибудь, он будет тем, кого выгонят, как Соми. Часть его понимала, что это необходимо для его выживания. Он должен был учиться, чтобы выжить в этом мире.

Учитель взял Люцида и Мен Су за руки и повел детей в другое место. Ян последовал за офицером Чхве, а служащий суда ненадолго вышел, чтобы доложить о случившемся. Соми ушла, и экскурсия продолжилась.

Это был последний раз, когда дети видели ее.

<Крецендо (5)> Конец.

Перевод выполнен Командой "TeaLotus"

Перевод: dzhoni_chan

<http://tl.rulate.ru/book/47507/1310453>